

Г. Г. Пиков

Очерки
цивилизационной истории
Европы

DirectMEDIA

Геннадий Геннадьевич Пиков

Очерки цивилизационной истории Европы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67726676

Очерки цивилизационной истории Европы : учебное пособие / Г. Г.

Пиков; Директ-Медиа; Москва, Берлин; 2020

ISBN 978-5-4499-1466-8

Аннотация

Пособие подготовлено на кафедре всеобщей истории гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета в соответствии с программами курсов «История средних веков», «История средневековой культуры», «История цивилизаций», также может быть использовано и при изучении курсов «Философия истории», «Методология истории», на отделениях истории и археологии НГУ, а также в других вузах, где читаются аналогичные и близкие по содержанию курсы.

Оно составлено на основе тех лекций, которые читались в течение ряда лет студентам и преподавателям высших учебных заведений Новосибирска, и дает обзор вопросов, пользовавшихся наибольшим интересом со стороны слушателей.

В нем рассматриваются некоторые важные и сложные конкретно-исторические и методологические проблемы, либо

слабо затрагиваемые в исследовательской литературе, либо до сих пор не решенные однозначно. В этом плане, как по содержанию, так и по методологии, учебное издание имеет оригинальный авторский подход.

Содержание

Предисловие	7
Введение	10
Глава 1	39
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Геннадий Пиков

Очерки цивилизационной истории Европы

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет»

Учебное пособие

Публикуется по решению УМК Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет» (протокол № 32 от 21.01.2020 г.)

Предисловие

Cogito, ergo historicus sum!

Данное пособие написано в соответствии с программами различных курсов по всеобщей истории» и затрагивает отдельные проблемы и темы, связанные с цивилизационной историей Европы. Оно составлено на основе тех лекций, которые читались в течение ряда лет студентам и преподавателям высших учебных заведений Новосибирска, и дает обзор вопросов, пользовавшихся наибольшим интересом со стороны слушателей.

При подготовке пособия был учтен опыт обсуждения специалистами в области истории, философии, филологии, литературоведения, теологии и других гуманитарных дисциплин указанных проблем, возникших в последние годы. Сложность тем и определенная новизна подхода к их решению обусловила использование значительного круга источников и широкого спектра общенаучных и специально-исторических методов.

Одной из особенностей указанных курсов является рассмотрение отдельных проблем европейской культуры в корреляции с соответствующими аспектами европейской и мировой истории. Это становится особенно важным в настоящее время в связи с широко распространившимся мето-

дом мир-системного анализа, предусматривающим построение единой и максимально непротиворечивой картины развития сообщества евразийских цивилизаций. Сказанное повлияло на выбор тем для настоящего пособия.

Хотя по этой тематике уже существует достаточно обширная научная литература и в нашей стране, и за рубежом, в учебном плане она получила лишь частичное отражение. К тому же многие научные издания труднодоступны для студентов. Все это вызвало необходимость издания учебного пособия. В нем рассматриваются важные и сложные методологические проблемы, либо все же слабо затрагиваемые в исследовательской литературе, либо до сих пор не решенные однозначно. В этом плане, как по содержанию, так и по методологии, учебное издание имеет оригинальный авторский подход. На примере тем, слабо освещенных в литературе или трудно поддающихся исторической реконструкции, студенты получают возможность ознакомиться со спецификой методов исторических и историко-культурных исследований и особенностями их методологии. Аналогичных изданий в нашей стране еще не выходило, хотя отдельные темы рассматривались в разных учебных пособиях. Данное пособие принципиально отличается тем, что опирается на широкий фактический материал и те наработки, которые сделаны в исторической и историко-культурной литературе.

Пособие также может быть использовано и при изучении курсов «История Западной цивилизации», «Философия ис-

тории», «Методология истории» на отделениях истории, а также в других вузах, где читаются аналогичные и близкие по содержанию курсы.

В данной книге берутся лишь некоторые сюжеты, иллюстрирующие специфику развития европейской цивилизации. Понятно, что все возможные аспекты и примеры собрать воедино не удастся никогда, уже хотя бы потому, что прошедшая человеческая история столь же необъятна, как Вселенная, и столь же неисчерпаема, как атом.

Данные сюжеты разрабатывались в свое время по причинам, которые к теме книги, строго говоря, не имели прямого отношения, тогда были свои причины и свои цели. Однако, собранные вместе, они все же дают возможность увидеть некоторые грани той пирамиды с бесконечным количеством плоскостей, которая именуется европейской цивилизацией. Думается, что подборка получилась интересной. Здесь затронуты и большие общецивилизационные проблемы (роль христианства, модель цивилизации, феномены Возрождения и Реформации) и темы более частного характера (мировая война, восприятие российским поэтом чужой культуры). В этом случае, думается, достаточно интересной может показаться, и попытка на материале истории России показать процесс роста и самоопределения новой цивилизации.

Введение

*Все снова неясно, непросто —
Колеблются чаши весов.
В глазах от имен зарябило.
Осмысливай смолкшие дни,
Но помни — что было, то было.
И как бы тебя не знобило,
Всю жесткую правду верни.*

(Ошанин Л. И. Исторiku.)

Сколько бы ни существовал человек, он всегда будет пытаться понять свое место и значение во времени и пространстве, что означает извечность и вечность двух таких сфер знания, как история и география. Как бы они ни назывались и как бы ни изменялись по своей структуре, они будут вечными и исчезнут разве что одновременно с исчезновением человечества.

В этом плане интерес к истории у человечества вполне закономерен и естественен. Ее можно назвать чуть ли не самым древнейшим знанием на планете. Параллельно растущему вниманию к окружающему миру изначально формировался и развивался неистребимый интерес человека к самому себе и сообществу себе подобных.

Еще в период родового строя состоялось открытие фи-

зического мира и физического времени как самостоятельных и независимых от человека констант его собственного существования. По мере появления первых «протомиров» в рамках «Осевого времени» произошло открытие исторического мира как места передвижений и деятельности племен и народов, и исторического времени как системы измерения и описания смысла их существования. Одной из первых на планете моделей истории стала ветхозаветная, которую можно назвать ярким примером существования своего рода горизонтального видения исторического процесса, когда какой-либо народ передвигается в пространстве в поисках наиболее подходящего места для проживания («Земли Обетованной»).

Средиземноморский «мир» (Римская империя) открывает социальный мир как место стационарного обитания и конвергенции сначала народов, а потом и отдельных людей. Складываются предпосылки для появления соответствующей вертикальной модели истории на материале метарегиона и мегасоциума.

Складывание «миров» (цивилизаций) в «средние века» стимулировало появление историософии как синтетической системы осмысления трех «времен», прошлого, настоящего и будущего, с позиции найденной «истины». Ее отражает трехмерная модель истории, где особенно важна роль «религии» в трактовке истории.

Кризис европейской цивилизации в эпоху «Возрождения

– Реформации» спровоцировал складывание общекультурных и социальных предпосылок появления и становления историологии, как не некоего творческого осмысления истории с позиций новой «истины» и не описания исторического процесса с этих позиций, а скрупулезного и достаточно деидеологизированного ее анализа. Оформилась гуманистическая трактовка как «открытие» (постановка проблемы) «загадки» истории и были заложены основы культурологического и антропологического понимания истории. В итоге стремительно распространяется представление о «человеке» как «творце истории» и стали противопоставляться «тирану» и «пророку» «герой» и «мудрец».

Просвещение открыло «народ» в качестве «творца истории». Это способствовало формированию этнополитического и мультикультурного подхода к истории. Прототипом «народа» стало «третье сословие». Шло оформление двух слоев бывшего «третьего сословия» (буржуазии и пролетариата) и разветвлялось понятие «народ».

«Буржуазная» трактовка истории стала попыткой рассмотреть исторический процесс как социальный и через взгляды и деятельность торгово-ремесленных слоев в противовес феодально-гуманистической как истории «пророков» и «героев».

Девятнадцатый век, век- «изобретатель», выступил в качестве создателя «научной» картины мира и современной европейской культурной парадигмы. Научные и социальные

концепции стали определять векторы дальнейшего развития цивилизации. Это породило и их проблемное соотношение.

В этом же веке сформировалась марксистская трактовка истории как «пролетарская» и «атеистическая» попытка выстроить предельно десакрализованную и социологизированную философию истории. В этой парадигме оформились концепции «классовой борьбы» и «извечной борьбы материализма и идеализма» как основных составляющих исторического процесса, как модернизация истории или попытка создания философии истории на материале только XVIII–XIX вв.

«Вывихнутый» двадцатый век рассматривается как «осень науки». Фрейдизм и «школа Анналов» стали попытками объяснить социальные процессы ментальнофизиологическими составляющими человеческой личности. Ярким явлением стал ментально-пассионарный подход Л. Н. Гумилева.

Естественно, важно и то, что история осмысливалась и изучалась на нескольких уровнях, преимущественно, трех.

На самом низшем, микроуровне описывалась жизнь отдельных людей, великих и не очень, людей так называемого второго и даже третьего плана (представителей и выходцев из социальных низов).

На среднем, мезоуровне, изучались региональные и трансрегиональные процессы (войны, история государств, отдельных сфер культуры и т. д.).

И, наконец, на наивысшем, макроуровне неоднократно предпринимались попытки понять смысл истории всего человечества.

Эти три уровня в последние тысячелетия, во многом благодаря широкому распространению феномена мировых религий и философий (иудаизм, христианство, ислам, конфуцианство) породили дополнительную форму методологической дихотомии – вертикальный и горизонтальный подходы.

Вертикальный подход зародился в самой истории фактически первым, ибо уже у самых первобытных коллективов возникла необходимость маркировать свое бытие с помощью событий и людей, через которых явственно видна была бы действенность традиций, как комплексов рецептов решения повторяющихся из поколения в поколение проблем. Это нашло неплохое отражение в словах Екклесиаста «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (1:9) или в идее следовать воле Божьей через систему заветов.

Соответственно через всю историю идут эксперименты по созданию своего рода хронологических таблиц с использованием идей «завета», «эона», «века» («средний век» гуманистов), «формации», «мир-системы». То, что мы имеем сейчас формационным подходом, существовало в разных формах. Это библейское деление Творения мира и истории на шесть «дней», периодизация по четырем монархиям, позднеантичное деление истории на «эоны», гуманисти-

ческая трихотомия (античность – средние века – новая история), современное деление истории общества на аграрное, индустриальное, информационное. Все они, так или иначе, были скомпрометированы связью с религией или идеологией (христианство, марксизм, либерализм). Сказывается и современный очередной кризис в понимании смысла истории. Ситуацию осложняют и достаточно бездумный отказ от «вертикального» подхода и широкое распространение этнических ренессансов, требующих исторического обоснования этнонационально окрашенных парадигм.

Наиболее известен формационный подход, ярко представленный в работах «классиков марксизма-ленинизма» (К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин). Он использовался в работах таких последователей марксизма, как К. Каутский, Г. В. Плеханов, И. В. Сталин, Л. Д. Троцкий, и др., а впоследствии в той или иной форме в исследованиях Б.Э. Быховского, А.М. Деборина, Ф. В. Константинова, И. К. Луппола, М. Б. Митина, Л. Б. Алаева, А. Я. Гуревича, Р. И. Капелюшников, В. Л. Иноземцева, Т. И. Ойзермана, Ю. И. Семенова и др. История рассматривалась ими как цепь «общественноэкономических формаций», представляющих собой совокупность производственных отношений, производительных сил, политического строя и общественных связей. Каждая новая формация созревает в недрах предыдущей, но впоследствии сменяется другой. Каждая из них представляет собой более высокий уровень общественной организации. Смена их

происходит вследствие неизбежно возникающего конфликта между производительными силами и производственными отношениями, основными составляющими экономического базиса. Насильственное разрешение этого конфликта путем революции приводило к существенным изменениям в надстройке (государство, политические и общественные институты). Все конкретные общества, имеющие один и тот же тип производственных отношений, несмотря на все свои различия, были отнесены к одной и той же ступени исторического развития. Таких стадий К. Маркс насчитал пять – первобытнообщинная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая. Как писал И. В. Сталин, «Истории известно пять основных типов производственных отношений: первобытнообщинный, рабовладельческий, феодальный, капиталистический и коммунистический».

В классических вариантах формационного подхода ярко проявляется принцип европоцентризма. Еще французские просветители основывали свое видение всемирной истории на идее иерархии культур и цивилизаций. Таковы концепции Вольтера, Гердера, которые рассматривали совокупный вклад различных народов в развитие той культуры, которая зародилась на европейском субконтиненте. У Гегеля его идея всемирной истории прямо опиралась на этот принцип, ибо только в Европе мировой дух достигает самопознания. Предельно и бескомпромиссно он нашел отражение в учении К. Маркса.

Именно этот принцип органично впитал в себя ряд базовых идей:

- предпочтение иудео-христианской традиции,
- восприятие западной культуры как продолжения античной цивилизации,
- утверждение, что вся современная культура во всех ее проявлениях создана только западной цивилизацией,
- объявление капиталистической экономики «естественной», основанной на «законах природы»,
- восприятие «стран третьего мира» («развивающихся») «отсталыми», которые должны «догнать» страны Запада.

В то же время именно европейская цивилизация, как самая динамичная, создала единственную на сегодняшний день универсальную историческую парадигму и к ней надо прислушиваться, тем более, что она все еще неплохо работает. Так или иначе ее приняли все цивилизации!

Одним из первых подверг критике этот принцип Н. Я. Данилевский, предложив в своей книге «Россия и Европа» (1869) свою теорию культурно-исторических типов, и противопоставив стареющей Европе молодую и энергичную восточноевропейскую, славянскую цивилизацию. Активно критиковали европоцентризм евразийцы.

Активно используется этот принцип для обоснования превосходства Запада в наше время. Американский социолог Ф. Фукуяма предложил говорить о «конце истории», когда, по его мнению, именно Евроамериканская социокуль-

турная модель является самой оптимальной в истории человечества. Звучит это у него достаточно трагично: «То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализации западной либеральной демократии как окончательной формы правления. Это не означает, что в дальнейшем никаких событий происходить не будет и страницы ежегодных обзоров “Форин Аффферз” по международным отношениям будут пустовать, – ведь либерализм победил пока только в сфере идей, сознания; в реальном, материальном мире до победы еще далеко. Однако имеются серьезные основания считать, что именно этот, идеальный мир и определит в конечном счете мир материальный...

Конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, – вместо всего этого – экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Я ощущаю в самом себе и замечаю в окружающих ностальгию по тому времени, когда история существовала. Какое-то время эта ностальгия все еще будет питать соперничество и конфликт. Признавая неизбежность постисторического мира, я испы-

тываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 года, с ее североатлантической и азиатской ветвями. Быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?».

В то же время, надо признать, взаимодействие цивилизаций ныне идет сложно. Человечество, хотя мы этого еще не понимаем даже отчасти, является единым организмом. Растущие связи между отдельными, столь непохожими друг на друга и разбросанными на гигантские расстояния друг от друга, частями только укрепляют это единство и все яснее проявляют его.

Может быть, доказать это единство пока сложно и, в значительной степени, оттого, что сама эта мысль противоречит так называемому здравому смыслу и тому, что мы наблюдаем в реалии.

Однако, если мы примем ее хотя бы даже в качестве гипотезы, а уж для этого-то какие-никакие основания есть, мы должны рассматривать историю не на уровне отдельных атомов (великие или малые люди), клеток (семей или родов), молекул (племен или государств). Надо увидеть в этом целое и цельное.

Понятно, появляется неизбежный соблазн увидеть в человечестве модель человека как такового. Возможно, вначале это и надо сделать, хотя бы для понимания возможности и перспективности этой операции. И для того, чтобы избе-

жать опасности увидеть в том или ином отряде человечества «голову», «мозг» или «сердце» всех людей.

Пока в этом абрисе видится некий трансформер, части которого могут в зависимости от обстоятельств «по очереди» играть эти роли.

Рубеж II–III тыс. н. э. ознаменовался особой ситуацией в междивизиационных и межкультурных отношениях евразийского сообщества. Взаимодействие цивилизаций («миров»), сложившихся в предыдущем тысячелетии, усиливается в рамках четко обозначившегося процесса глобализации как интеграции рас, народов и их культур в невиданный доселе экономический и культурный конструкт. Если во II тыс. это взаимодействие оценивалось негативно и на первый план выдвигались события и процессы, связанные с военнополитическим и культурно-религиозным противостоянием Европы и тех «миров», которые приходили с ней в соприкосновение («Реконкиста», «Крестовые походы», «Натиск на Восток», «Завоевание Америки», «Завоевание Азии» Чингизидами), то в этот критический период явственно видны два момента. С одной стороны, иногда излишне категорично подчеркивается культуртрегерская деятельность цивилизаций (вновь возобновившиеся споры о том, откуда «идет свет» – с Запада или Востока, «покаянная литература», подчеркивающая особую роль ислама в развитии европейской цивилизации, особо значимая «евразийская» роль России, «исключительная» роль в евразийской исто-

рии тюркской культуры, европейский вариант развития как «магистральный путь» для всего человечества). И как следствие этого усиливаются информационные войны, в частности, «холодная война» между «капитализмом» и «социализмом». События 11 сентября 2001 года показали, что эти войны легко могут перерасти в «горячие». В условиях глобализации, идущей одновременно в двух формах, интеграционной и гегемонистской, неизбежны цивилизационные ренессансы, призванные сохранить и усилить ту или иную цивилизационную парадигму.

С формационным подходом к истории как вертикальным в последние два столетия активно соперничает цивилизационный подход, пытающийся смотреть на человеческое бытие «по горизонтали». Зародился он еще в античные времена, когда слово «*civis*» противопоставлялось понятию «*silvaticus*» (лесной, дикий, грубый). Он резко активизировался в современной ситуации густонаселенного, если не сказать, перенаселенного мира, когда цивилизацию XXI века стали воспринимать как принципиально единую и очень широко распространенную. Его основателей (Н. Я. Данилевский, М. Вебер, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби) впоследствии поддержали и поддерживают, создавая свои вариации, очень многие: Г. Л. Морган, П. Армилсс, К. Маркс, Ф. Энгельс, Г. Чайлд, Р. Редфилл, М. Блок, Л. Февр, Н. Элиас, Ш. Энзенштадт, Б. С. Ерасов, В. Л. Иноземцев, И. Н. Ионов, И. Д. Ковальченко, Л. И. Новикова, В. М. Хачатурян, Я. Г. Шемяки-

на, Е. Б. Черняк, В. Ж. Келле, Ю. К. Плетников, Э. А. Поздняков, Л. И. Рейснер, В. Н. Студенцов и др.

Термин «цивилизация» стал многозначным, на сегодняшний день существует около 200 определений этого понятия.

«Цивилизация» как понятие активно введено в общественный и научный оборот с XVIII в. Сначала оно трактовалось как обозначение определенной стадии развития общества, следующей за дикостью и варварством, и уровня нравственного развития человечества.

Одним из первых термин «цивилизация» в научный оборот ввёл философ Адам Фергюсон, имевший в виду определенную стадию в развитии человеческого общества (дикость – варварство – цивилизация). Люсьен Февр в своей работе «Цивилизация: эволюция слова и группы идей» считал, что впервые в напечатанном виде термин появился в сочинении французского инженера Н. А. Буланже «Древность, разоблачённая в своих обычаях» (1766). П. Гольбах использовал термины «цивилизация», «цивилизовать», «цивилизированный» в своих работах «Система общества» и «Система природы». В 1798 г. он впервые попадает в «Словарь Академии». Швейцарский историк культуры Жан Старобинский приписывал термин «цивилизация» Виктору Мирабо («Друг человечества», 1757).

В основе классического цивилизационного подхода тоже лежит несколько базовых идей:

- Объектом исследования не являются только социальные

или экономические процессы, а общество людей во всей своей совокупности,

- Очень большой акцент делается на человеке, который тоже рассматривается всесторонне,
- Все сферы жизни, включая не только экономику, но и политику, мораль, религию и т. д., рассматриваются как равнозначные.

Стоит отметить, что впервые он максимально универсально был выражен в средневековых сочинениях, где речь шла о различиях между существовавшими тогда «мирами». Особенно хорошо это видно в сочинении Ибн Халдуна «Мукаддима», содержащем аналитическое описание геополитической ситуации в Евразии. Автор не сравнивает не ислам и другие религии, разные течения в исламе, а именно земледельцев и кочевников, как две «прогрессивный» и «регрессивный» варианты развития. Строго говоря, в этом случае цивилизационный подход нужен как апофатический, чтобы не понять другой «мир», а обосновать преимущества своего, найти у себя то, чего нет у других.

Внешне формационный и цивилизационный подходы противоречат друг другу, поскольку базовой идеей первого является признание единства человеческой истории и ее прогресса, а второго – отрицание этого. Цивилизационисты достаточно решительно отрицают детерминизм как фактор исторического и социального процесса. Кроме того, формационная теория рассматривает общество «снизу», с матери-

ального производства, а различные цивилизационные концепции анализируют его «сверху», с культуры в самом широком смысле слова.

На самом деле, видимо, надо учитывать, что это два необходимых для истории подхода – по вертикали (формационный) и горизонтали (цивилизационный). В статике преобладает формационный, на исторических стыках – цивилизационный. При анализе исторического материала надо сочетать оба.

В настоящее время, после ряда работ (Ибн Халдун, Н. Я. Данилевский, К. Маркс, Ф. Энгельс, О. Шпенглер, П. Сорокин, А. Тойнби, Ш. Эйзенштадт, К. Ясперс, Л. Н. Гумилев, Б. С. Ерасов и др.) цивилизации понимаются как крупные целостные социокультурные системы со своими закономерностями, пространственно – временные культурно-экономические континуумы («миры»), форма существования отдельных массивов человечества в определенных пространственно-временных рамках. В трудах Данилевского, Шпенглера, Тойнби и Сорокина были предложены признаки и критерии для выделения и различения «локальных» цивилизаций. Сложился цивилизационный подход к истории. В начале XIX в., в ходе становления мировой колониальной системы (по сути, это первая волна «глобализации») возникла даже «этно-историческая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа – своя цивилизация.

Центральным здесь является понятие «цивилизация», ко-

торое последние полвека «хранилось где-то на задворках нашего коллективного сознания». В настоящее время оно имеет два основных значения – стадияльное и локальное.

Появилось это слово в рамках Просвещения и начало искать свой аутентичный смысл. Естественно, оно могло появиться только в первом значении и сначала под «цивилизацией» понимался наивысший уровень развития, именно этот смысл и был инициативным, первичным. Европейская культура в эйфории от удачи в складывании нового культурного синтеза, именно его и обозначила как тот уровень общественного развития материальной и духовной культуры, связанный с разделением труда, рационализацией производства, потребления и распределения, формированием гражданского общества, к которому и должны стремиться все народы планеты. Именно так трактовал это понятие один из «poetes maudit» («проклятых поэтов») А. Фергюссон («Опыт истории гражданского общества», 1768), а впоследствии Л. Г. Морган и Ф. Энгельс. Л. Г. Морган в своем «Древнем обществе» (1877) разработал лишь две первые стадии, разделив каждую из них на три ступени (низшую, среднюю и высшую) и выделив признаки, характеризующие эти ступени. Цивилизации он фактически не касался.

В работе Ф. Энгельса «Происхождение, семьи, частной собственности и государства» (1884) трехчленная периодизация истории человеческого общества превращается в двухчленную (дикость и варварство). Эта периодизация су-

существует до сих пор Освальд Шпенглер в своем известном сочинении «Закат западного мира» (Der Untergang des Abendlandes, 2 тт., 1918–1922) развил учение о культуре как множестве замкнутых «организмов», выражающих коллективную «душу» народа и проходящих определенный жизненный цикл, длящийся около тысячелетия. Этих культур или, точнее, «органических» культурно-исторических типов восемь: египетская, индийская, вавилонская, китайская, аполлоновская (грекоримская), магическая (византийско-арабская), фаустовская (западноевропейская) и майя. Девятая – культура будущего, русско-сибирская. По его мнению, умирая, культура перерождается в свою противоположность – цивилизацию и умирает. Это была практически первая теоретическая разработка периодизации по трем периодам как стадиям развития: дикость, варварство и цивилизация, что свидетельствовало и о возникновении определенной классификации социально-исторических организмов и их достаточно четкой типологии, причем как типологии стадийной. Это можно назвать первой нововременной концепцией мировой истории.

Появление такой трактовки понятия объясняется широко распространившимися в конце XIX в. пессимистическими настроениями в отношении будущего Европы. Достаточно вспомнить ленинское учение об империализме как стадии загнивания капитализма. На самом деле начинался невиданный доселе по своим масштабам процесс, получивший впо-

следствии название глобализации.

Устами О. Шпенглера «цивилизация» была обозначена как период агонии европейской культуры. Ф. Ницше торжественно объявил о смерти Бога, а К. Маркс вообще объявил его несуществующим. По инерции с судьбой культуры связывали именно религию и ее уход воспринимался как момент смерти культуры в целом.

Это примеры крайностей, в которые общество попадает, когда впервые начинает работать с такого рода понятиями. Одновременно все же стали появляться достаточно оптимистические представления о сложном развитии культур. На протяжении того же XIX в. в цивилизации стали видеть не только высший уровень развития культуры или стадию агонии, но и своеобразный исторический феномен.

Здесь определенную роль сыграл дарвинизм со своей сущностной ревизией библейских представлений о единовременном творении всего сущего. В определенном смысле теория Дарвина была перенесением на животный и растительный мир, а оттуда и на историю, идеи капиталистической экономической конкуренции. Мощное развитие получила и сама идея эволюционизма. Начиная с издания труда Ч. Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» (1859) эволюционизм фактически полностью сменяет креационизм и начинает играть его роль в развитии культуры, являясь методологической базой всех типов наук. Сторонники «замкнутых цивилизаций» фактически счита-

ли, что их может быть сколько угодно и «каждая культура находится в непосредственной связи с Богом» (Л. фон Ранке). В начале XIX в., в ходе становления мировой колониальной системы (по сути, первой волны «глобализации») возникла даже «этно-историческая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа – своя цивилизация.

Г. Рюккерт в своем «Учебнике всемирной истории в органическом изложении» заявил, что «историческая действительность не может быть логически правильно расположена в виде одной линии». Любопытно, что именно в России фактически рождается представление о цивилизациях как пространственно-временных конструкциях. Это теория «культурно-исторических типов» как «действующих лиц истории» Н. Я. Данилевского. Он предложил, правда, тоже отталкиваясь от своей критики общечеловеческой культуры, концепцию культурно-исторического типа, состоящего из четырех основ: религия, культура (наука, искусство, техника), политика, общественно-экономический уклад. А «ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно короток и истощает раз навсегда их жизненную силу».

Это российские востоковеды первой половины XIX в. (Н. Я. Бичурин, архимандрит Петр Каменский, М. Н. Суровцов). Это Т. Н. Грановский. Однако наиболее четкое и аргументи-

рованное выражение такой подход нашел в работах Арнольда Тойнби. Его 12-томный труд «Постижение истории» (A Study of History, 1934-61) посвящен анализу возникновения, развития и умирания мировых цивилизаций. Тойнби выделял 21 цивилизацию, для которых характерны уникальные универсальные религии, мировые государства и философии (впоследствии – 36 цивилизаций и 5 «живых» цивилизаций третьего поколения). Цивилизация для него – это группа стран и народов, связанных общей судьбой и мировоззрением, и она противостоит примитивным обществам. Причинами роста и развития цивилизации являются «вызов» и наличие творческого меньшинства. Несмотря на то, что в трудах различных историков и философов это понимание нашло самую широкую поддержку, его все же, по большому счету, можно обвинить во все еще сохраняющемся просветительском понимании цивилизации как самого высокого уровня развития общества.

Между тем, здесь, вероятно, точнее будет средневековое понимание «мира» (рах). На рубеже тысячелетий, который все «миры» не случайно воспринимали как знаковую веху в своей собственной и всемирной истории, закончилось образование евразийских цивилизаций («миров») по широте и сложился окончательно так называемый «пояс цивилизаций» от Атлантики до Тихого океана. Оформились «миры», которые условно можно назвать «материнскими» (христианский, мусульманский, буддийский, конфуцианский), оформ-

лялись они с помощью идеологической экспансии, путем распространения «истины» («идите и несите всей твари на земле истину»). Именно на это обратил в свое время внимание К. Ясперс, выдвинувший идею «Осевого времени» и сделавший акцент лишь на двух параметрах этого процесса, – оформлении Текстов и появлении Учителей. В Европе завершился процесс антропогенизации вмещающего ландшафта и переход к пашенному земледелию, созданы «первый витраж, первый готический свод, первая героическая поэма» (М. Блок).

Но средневековые цивилизации – это комплексные конструкции, в рамках их зарождения и эволюции обязательно идут два процесса, – складывание не только общецивилизационной парадигмы на основе «мировой религии», но и оформление геополитической конструкции в форме «империи». Первоначальное распространение шло по освоенным ранее в рамках первых протомиров – «оазисов» пригодным землям за счет их объединения. Эти «материнские цивилизации» условно могут быть названы аграрными, ибо в них на первый план выходит земля как преимущественная сфера применения человеческого труда в области земледелия или скотоводства.

Именно история этих классических цивилизаций и дает возможность выделить наиболее характерные черты этой конструкции. При этом необходимо подчеркнуть, что методологический анализ их истории проводился, как правило,

в европейской культуре, которая до сих пор пытается сочетать два подхода – конфессиональный и секулярный. Если до эпохи Возрождения «миром» считалось пространство Истины (отсюда миры именовались «христианским», «мусульманским», «буддийским и т. п.), то под влиянием широко распространившейся идеи научно-технического прогресса, в «мире» стали видеть определенную стадию социального и технического прогресса. Эти два подхода кардинально разошлись именно в период эпохи Просвещения

Если исходить из логики исторического процесса, под «цивилизацией» следует понимать не уровень развития того или иного общества. Такой подход был характерен для XVIII – начала XIX вв., когда на базе традиционной историко-культурной европейской парадигмы, основывающейся на эволюционном подходе, складывались первоначальные светские однолинейные теории развития (теория континуитета, марксизм, неозоолюционизм, теории модернизации и др.). Впоследствии стал формироваться и широко распространяться цивилизационный подход, рассматривающий всемирную историю как результат взаимодействия отдельных культурных ареалов (Данилевский Н. Я., Шпенглер О., Тойнби А., Сорокин П. и др.). В конце XIX – начале XX вв. под понятием «цивилизации» стали подразумеваться «локальные цивилизации».

Спор формационного и цивилизационного подходов, который происходит на наших глазах сейчас, на самом де-

ле, всего лишь частный случай вечного их противостояния. Любое историческое явление необходимо смотреть по горизонтали (в пространстве) и вертикали (во времени). В рамках средневекового периода, когда активно шло становление «миров», этот процесс просматривался, прежде всего, во времени, «сверху вниз». Результатом явилась вертикальная модель истории, и формационный подход как деление этой истории на значимые части (периоды, эоны, формации). Формационный марксистский подход в определенном смысле апогей и предел этого рассмотрения.

История отдельных периодов оценивалась с точки зрения их «вклада в историю», иначе говоря, значимости для новой современной культуры, но в итоге получалось порой так, что любая доиндустриальная, догоризонтальная стадия в любой цивилизации стала именоваться пустой. Так у итальянских гуманистов и просветителей родилось презрение к «средним векам». По словам Вольтера, «историю этого времени необходимо знать лишь для того, чтобы ее презирать».

Двадцатый век с подачи девятнадцатого, пытавшегося понять причины культурного шока, пережитого европейской культурой при встрече с «чужими» культурами в процессе колониальной и миссионерской экспансии XIV–XIX вв., стал смотреть «по горизонтали» и сравнивать европейский опыт строительства цивилизации с опытом иных миров.

Время показало, что это тоже была крайность, ибо даже это сравнение могло приводить к весьма неприятным резуль-

татам. Скажем, именно на этой основе стала формироваться «покаянная» европейская литература, доказывавшая происхождение европейской средневековой культуры от исламского мира.

Одним из последствий этого стал разноречивый в понимании «цивилизации»:

- «Цивилизация представляет собой некую культурную сущность... наивысшего ранга... самый широкий уровень культурной идентичности людей»¹.

- «Цивилизация – это совокупность материальных, политических и духовно – нравственных средств, которыми данное сообщество вооружает каждое поколение его членов, вступающих в состояние «взрослости», «дееспособности», «полноправия»².

- «Цивилизация – мера развития общества, социума; культура – мера развития личности, а также системы ценностей и способа деятельности»³.

- «Цивилизация – это сообщество людей, объединенных основополагающими духовными ценностями и идеалами, имеющие устойчивые особые черты в социально – политической организации, культуре, экономике и психологическое

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций? // Полис. 1994. № 1. С. 34.

² Барг М. Категория «цивилизация» как метод сравнительного исторического исследования (человеческое измерение) // История СССР. 1991. № 1. С. 72.

³ Ланда В. Г. Восток: цивилизация, формация, социум // Вопросы истории. 1995. № 4. С. 52.

чувство принадлежности к этому сообществу»⁴.

- «Цивилизация – это исторически устойчивая совокупность этносов, имеющих письменность, государственность, связанных общностью ядерных социальных отношений, культурных традиций и идей»⁵.

Быть может, действительно все дело в том, что сама по себе «история человечества дает бесконечное разнообразие материала для формирования разнообразных классификационных схем цивилизаций»⁶. Необходимый симбиоз в некоторых своих чертах фиксируется к концу XX в., чему, вероятно, способствовала и ситуация активно идущей деидеологизации и конвергенции евразийских культур. Были выделены не только древние и средневековые цивилизации и начато их комплексное сравнительное изучение, но даже заговорили о некоторых зонах как цивилизационных, например, «кочевой цивилизации».

В итоге можно сказать, что «цивилизация» – это определенный «мир» как пространственно – временной культурный континуум, у которого есть «своя собственная идея, собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования и, наконец, собственная смерть». Это некая зона,

⁴ Семенкова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М., 1994. С. 37.

⁵ Розов Н. С. Структура цивилизации и тенденции мирового развития. Новосибирск, 1992. С. 88–89.

⁶ Ахиезер А. С. Диахронность и синхронность цивилизаций: теория и методология исследования // Цивилизации. М., 1993. Вып. 2.

которая живет в соответствии со своей парадигмой, паттерном. Время формирования «цивилизаций» – процесс не одномоментный, он займет более половины тысячелетия.

В нашем случае есть смысл остановиться на еще одном из значений термина «цивилизация». Поясню это с помощью образа Л. Н. Гумилева, который писал о трех взглядах на историю – взгляд полевой мыши, взгляд всадника на кургане, взгляд орла над степью.

«Взгляд орла» позволяет рассматривать «христианский мир» как часть иной, большей системы под названием «Евразия». До сих пор история Евразии лишь описывалась как конгломерат событий и фактов, но на самом деле это особый организм, состоящий из отдельных цивилизационных зон. Это означает, что есть общевразийские причины складывания «миров» в целом и христианского в частности.

«Взгляд полевой мыши» позволяет увидеть конкретную жизнь этой зоны, увидеть специфику социальных и политических процессов, идущих там.

Именно «взгляд всадника на кургане» важен в данном случае, ибо позволяет увидеть во всей полноте и цельности эту цивилизацию.

Цивилизационный подход используется сейчас, прежде всего, «по горизонтали», т. е. для компаративистских исследований, когда сравниваются разные цивилизационные зоны Евразии. Это действительно необходимо, ибо мы должны уходить от предпочтения одной какой-то зоны другим.

Однако, это не менее необходимо и для того, чтобы сформулировать наконец-то четкий и неангажированный критерий «цивилизационности», создать некую модель «цивилизации», как определенной формы существования того или иного «отряда человечества». Уже не ради сравнения отдельных «миров», а, чтобы понять суть тех цивилизаций, которые все еще существуют и борются между собой.

Пока цивилизационный подход и построенный на нем компаративистский алгоритм существуют как средство примирения разъяренных в последнее столетие цивилизаций. Каждая из них претендует на наивысший уровень развития и не принимает всерьез остальные. Для кого-то, может быть, и для Европы, планку надо опустить пониже, для кого-то, например, для кочевников, и поднять.

Есть еще одна необходимость обращения к этому подходу. Изучая цивилизации, мы работаем как бы на двух уровнях: либо мы реконструируем конкретную историю, анализируя письменные и археологические источники и выстраивая относительно безупречную цепочку фактов, либо подходим «философски», т. е. даже не зная глубоко исторический материал, оперируем «мировыми законами» и логикой.

До сих пор преобладало маркирование цивилизаций с помощью языка, религии и этноса, но, действительно, пора создавать комплексную модель цивилизации. Находясь на своего рода среднем уровне и синтезируя конкретные факты, поверяя их логикой и используя сравнительный метод

(«всадник на кургане»), мы должны и сможем осмыслить материал какой-либо одной цивилизационной зоны («мира») и использовать его для более широкого анализа. Фактов для этого анализа собрано уже достаточно. Несмотря на существование разных народов, религий и языков, цивилизационные конструкции все же по своей структуре очень похожи друг на друга. Просто сторонники того или иного «мира» свой путь развития считают «магистральным», а остальные народы «догоняющими», несмотря на культурные или расовые отличия. Каким бы «отсталым» народ ни считался, он рассматривается как «свой», а не «иной», способный и обязанный «догонять».

На этом уровне, собственно, и происходит скрещение идущей вверх «вертикали» (семья, род, племя и т. д.) и «горизонтالي». Образно говоря, «дом» делает не «пол» (быт, ментальность), а «потолок» (потребности метарегиона). «Стены» (эстатическая модель) дают форму и красоту.

Цивилизации еще долго будут сосуществовать и в их развитии будет иметь значение и общее, и особенное. Пока особенное превалирует над общим и невозможно предсказать, «перевернется» ли дробь, чтобы в «числителе» оказалось общее, и когда это произойдет. Однако процесс конвергенции, в отличие от предыдущих столетий, уже можно, если не регулировать, то, по крайней мере, контролировать. Все же даже тогда, когда проявится общепланетарная модель, она вырастет из классических цивилизаций, сохранив существен-

ное из их черт.

Глава 1

О модели европейской цивилизации

Европейская цивилизация является одним из таких «миров» и имеет свою специфику.

Можно выделить и цивилизационные или «мировые» признаки:

- Определенность исторического периода. Начало его фактически определил К. Ясперс⁷, предложивший понятие «осевого времени» (Achsenzeit, 800–200 гг. до н. э.) и выделил несколько его признаков: растущая демифологизация, интеллектуализация, рост интереса к человеку, к индивиду, оживление культурных контактов, «человеческая экзистенция как история становится предметом размышлений», «возник тот человек, который существует сегодня» и др. Это и есть время зарождения «первичных» цивилизаций, образование которых произошло в ходе внутренних процессов и не было осложнено влиянием более развитых соседей.

В целом период существования классических цивилизаций определен самой историей. Римская, Византийская и Китайская империи целый ряд столетий боролись с «варва-

⁷ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 32.

рами». Renovatio («возрождение») как «возвращение в первобытное состояние», по мнению, скажем, итальянских гуманистов, состоится только к середине XVI в. Промежуточное время они и назовут «средними веками». В Китае «освободительная борьба» с «варварами» (кидзянями, чжурчжэнями, монголами, маньчжурами) завершилась лишь в начале прошлого столетия. Здесь есть смысл увидеть еще одно из значений выражения «средние века», обозначающего, таким образом, помимо всего прочего, и время непосредственного взаимодействия двух цивилизационных зон (в Европе «романского» и «германского» начал, в Восточной Азии ханьского по происхождению Китая и «кочевых империй» тюрко-монгольского ареала).

- определенность территории, обусловленная географическими «пределами» в виде гор, морей, пустынь и лесов и этно-генетической близостью живущих здесь племен и народов.
- географическая и климатическая локальность. Географический фактор играет особую роль в существовании цивилизаций, располагающихся в поясе умеренных широт, где есть необходимость в труде, рискованное земледелие.
- «древность» зарождения,
- стабильность и длительность существования,
- уникальность исторического развития,
- этноцентризм, доходящий до представления о «избранности» народа и идеализирования своей территории,

- этнокультурная «гибридность»,
- особый алгоритм социо-культурной жизни – гетерономический⁸.
- самобытность и оригинальность культурных представлений и традиций и их близость,
- противопоставление себя остальным народам и особенно цивилизациям,
- цивилизационно-культурный экспансионизм, доходящий до навязывания своей цивилизационной парадигмы,
- привлекательность «имиджа» для других народов, не только «соседних», но и отдаленных,
- умение «уживаться» с ними,
- традиционализм,
- специфический «мировой язык»⁹ как синтетический,

⁸ Слово «гетерономия» (от греч. *гетеро* с /иной/ и *номос* /закон/) в данном случае используется для обозначения такой ситуации, при которой один субъект вынужден следовать нормам, особенно религиозным и правовым, установленным другим субъектом. Это *несамостоятельное* поведение, так или иначе, механическое, в отличие от «автономии», допускающей и даже предписывающей обоим субъектам наличие имманентных собственных закономерностей существования и развития. В результате различные племена и народы, как правило, объединяются вокруг одного «титального» этноса, что дает возможность маркировать «миры» и по этносу (арабский, китайский, франкский, индийский).

⁹ Язык имеет кардинальное значение для цивилизации. Стоит лишний раз напомнить, что цивилизация – это историографическая традиция, ибо «человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст», словесные тексты есть «первая данность... всего гуманитарно-филологического мышления» (*Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 285–286, 281*).

впитывающий в себя в той или иной мере лексику и терминологию всех народов цивилизационной зоны,

- своеобразие форм государственного и социального развития, связанное со сложной социальной структурой, имеющей «вертикальный» характер, где различные слои располагаются как бы друг над другом («феодалная лестница»), и с формированием властных элит, слоев населения, которые не связаны напрямую с сельскохозяйственной сферой, и т. д.

- возможность складывания предельно централизованного государства и особая сила «верховой власти»

В цивилизации найдет яркое отражение очень своеобразное отношение к миру, которое можно назвать «искусственным». Речь не идет о каком-то негативном значении этого выражения. Это – принцип и он находит свое выражение прежде всего в самой идее «строительства» нового мира, в постижении «воли Бога», любви как основе универсальной морали, цели истории как принятии «истины» и т. д. «Обратная» же сторона культуры будет богата революционными призывами и, в то же время, эстетическими утопиями, основывающимися на произвольном утверждении о том, что «красота спасет мир». Н. Бердяев был прав: феномен «революционной культуры» в принципе невозможен, ее идея – «противоречие в определении» (*contradictio in adjecto*), как круглый квадрат. «Революционная» идея, акцент на свободе и интерес к ней доминирует в «цивилизационном вакууме», т. е. «на стыке» культур, когда вместо иерархии культур на-

блюдается их столпотворение, потому революции и объявляются впоследствии «локомотивами истории» и «звездными часами человечества».

- «Цивилизация» сама себя «строит» и это искусственное отношение к миру и обществу надо не только развивать, но и контролировать, необходимо предвидеть все возможные последствия деяний отдельных «деятелей культуры».

Этот признак, вероятно, следует признать центральным, ибо именно он дает возможность отличить цивилизацию от иных природно-климатических и хозяйственнокультурных зон (охотников – собирателей Австралии или арктических охотников и рыболовов), которые ориентируются не на интенсивную, производящую, а экстенсивную, присваивающую экономику.

- специфическая «мировая религия», т. е. «религиозный» комплекс идей и рецептов, который объединяет этнические и социальные группы и маркирует цивилизацию, отличая ее от соседей («Бог» как «начало» «избранности» христианско-европейского мира), Не случайно термин Re-ligio по одной версии, идущей от Цицерона, происходит от глаголов religare, eligare (связывать, соединять, выбирать). Ее великолепно дополняет вторая версия, по которой он происходит от глагола relegere (вновь собирать, достигать). Именно в начале той или иной цивилизации происходит переход от локальных культов, философских систем, этнических вариантов верований к единой, общеимперской религии и на этой

основе появляется представление об универсальной, обязательной для всех системе религиозно-философских представлений.

Слово «мировая» означает, что был установлен мир между различными народами и племенами, объединен весь видимый мир, до «культурного» горизонта, т. е. до тех пределов, за которыми начинаются чужие культуры и народы. В настоящее время под мировой религией понимается религиозное течение, распространенное среди народов различных стран и континентов (христианство, ислам, буддизм). Если говорить о средневековье, то первой базовой ее задачей было оформление культурно некоего мира, т. е. формирование для него соответствующей цивилизационной парадигмы. В то же время именно «мировая религия» претендовала на весь «мир», т. е. ойкумену и транслировала эту парадигму по вертикали (во времени) и горизонтали (в пространстве). Это предполагало уже тогда ряд ее особенностей:

- Она не служила признаком национальной идентичности,
- У нее была достаточно четкая философская база, с направлениями, которые должны быть сходными,
- Она оказывала влияние на ход развития мировой истории, мирового искусства и пр.,
- Ее культура не была абсолютно одинаковой во всех регионах.

- особая роль церкви, история которой начинается с деятельности «мудреца», «пророка» или «Бога». В Европе она

начиналась мучениями Христа и закончится вторым пришествием. Она и есть царство Божье, в котором святые с Христом уже судят мир (Откр. 20:4), а в жизни и смерти Иисуса Христа история достигла своей наивысшей точки. Для отдельного же человека это период от «первого воскресения» (Откр. 20:5), то есть от возрождения души христианским крещением, до «второго воскресения» в дни Страшного суда.

Это особая стадия развития общества, когда возникает сложная социальная структура и начинают складываться трансрегиональные этнические и социальные группы. Они именуются в соответствии с образом жизни и занятиями (крестьяне, рыцари, клирики) или в зависимости от происхождения (франки – французы, англы – англичане), но появляется необходимость и для более общих универсальных обозначений. На смену этнонимам приходят конфессионемы (христиане, мусульмане, буддисты). Жизнь и судьба крупных человеческих организмов подчиняется уже не локальным традициям, а транснациональным интересам и правилам. Начинают вырабатываться такие понятия, как «человечество», «народ», которые приходят на смену «родам» и «племенам». Происходит включение во всемирную историю всех народов без различия этнической принадлежности при условии принятия ими «мировой религии». Эта универсальная историософема провиденционализма впоследствии будет разветвляться и на ее основе возникнут и теория про-

гресса (регресса) и теория возрастов, что ярко выражено в философии Аврелия Августина (354–430) и Иоахима Флорского (1132–1202). Нужно отметить, однако, что здесь налицо определенного рода противоречие с базовым представлением, ибо смысл истории предполагает обязательно ее замкнутость во времени, тогда как признание бесконечного регресса или прогресса свидетельствует о ее бессмысленности. Естественно, что и в культуре происходят существенные трансформации, начинается так называемая сакрализация культуры, когда религия выходит на первый план и становится системообразующим фактором. У отдельного индивида не только расширяется культурный горизонт, когда в круг необходимых ему знаний входит информация о других народах и странах, но и он сам поднимается до осознания своей сопричастности к судьбам всей «вселенной».

- Особое значение и оформление принимает взаимодействие различных этнических и социальных групп в цивилизации. Базовым здесь является представление об «избранном народе».

Классическим примером этой идеи, разумеется, является библейское (ветхозаветное) понимание «избранности». Однако в христианском «мире» эта идея была выведена за пределы отдельного этноса (евреев) только путем своеобразной цивилизационной революции Христа и апостолов. «Избранными» стали считаться не те, кто принадлежал к этому этносу, а все, независимо от этнической, социальной и даже расо-

вой принадлежности («нет ни эллина, ни эфиопа, ни иудея, ни раба...»), кто «уверовал» в Христа. Ветхозаветное понимание истины оказалось этнически узким (евреям нужно было практически лишь выживать в полиэтничном и мультикультурном евро-афро-азиатском мире). Однако для нужд формирующихся «миров» эта идея идеально подходила, поэтому Христос и выводит ее на максимально универсальный уровень. В дальнейшем судьбы двух трактовок этой идеи и их взаимоотношений часто принимают даже трагический характер. Еврейская цивилизация с помощью нового Текста (Талмуд) создавала парадигму рассеянного этноса, в которой места идеям Христа не было (евреев поэтому и обвиняют в деициде или убийстве Бога – Христа). Нарождающаяся христианская цивилизация будет активно бороться с ветхозаветным пониманием «избранности» и соответственно с его носителями (поэтому христиан и обвиняют в геноциде или преследовании евреев).

В восточноазиатском мире работал изобретенный еще в древнем Китае комплекс Чжунго/Тянься (Срединное государство/Поднебесная империя), который фактически и основывался на традиционной для периода зарождения этнических государств идее «избранного народа». В Китае соединилось то, что на Западе оказалось разорвано: этническое понимание «избранного народа» как определенного этноса дополнилось идеей всеобщего и «правильного» мира. Ханьцы по сути стали титульной нацией и понесли свою «истину»

всем остальным народам, которые в целом вынужденно или добровольно принимают их парадигму.

Сказанное означает, что под «христианизацией» следует, строго говоря, понимать не этнический процесс, причем именно как процесс поглощения одним народом малых этнических организмов, а идеологическую форму существования цивилизации («мира»).

- В период развития «цивилизаций» особую роль играют не социальные теории, а религиозные и философские системы¹⁰, важнейшим моментом в которых является сложное понимание причинно-следственного порядка. Происходит разрыв этой цепочки: причины – прерогатива «Неба» («Бога»), а следствия проявляются в земной («профанной», «человеческой») жизни. В христианской традиции это нашло отражение в двух базовых идеях («догматах») цивилизации – креационизме («творении») и провиденциализме («промысле Божьем» как «помощи» человеку). Вся «история» – это не только период «исправления» человека, избавление от тяжести «первородного греха», но и время сложного взаимодействия «Бога» («Неба») и «Человека», «вызовов» Человека Богу (Небу) и ответных «реакций» Бога (Неба).

- специфическое представление о происхождении мира и человека,

¹⁰ Конфуцианство и христианство ярко демонстрирует возможность соединения в рамках одной конструкции религиозных представлений и философских идей.

специфика представления о сакральном и сверхъестественном «начале» («Бог» в авраамической традиции, «Небо» в восточноазиатской или кочевой и т. п.). В «христианской» цивилизации это отражено в идее теоцентризма: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь, Который есть был и грядет, Вседержитель» (Откр 1, 8). Само время было сотворено (Быт. 1:3–5). Отсюда чисто логически напрашивается предположение, что с момента совершения какого-либо события во времени мы можем подходить к нему хронологически, то есть утверждать, что оно имеет свое «вчера», «сегодня» и «завтра». Так возникает, по сути, и идея линейного времени. Такое представление доминирует в современной европейской цивилизации и науке, резко выделяется на фоне остальных евразийских религиозных учений и традиций. Это спровоцировало два любопытных направления историософии. Помимо христианской «мировой» концепции, о которой прежде всего и идет речь, концепция линейного времени и связанное с ней понятие об односторонности истории в рамках иудейской религии резко отличали ее от сакральных учений других народов и давали основание евреям воспринимать себя как носителей уникального знания (концепция «избранного народа»).

• Время дано Богом и существование во времени нельзя назвать несовершенным или ущербным. Оно движется только вперед и необратимо и это значит, что оно вовсе не круговращение, а телеологический процесс – уже в замысле тво-

рения заключена цель (telos). Так появляется «сверхисторическое» задание у истории.

К «именам» Бога, обозначенным ранее и свидетельствующим об его активном участии в жизни «избранного народа» (Яхве¹¹, Творец, Открывающий себя, Испытатель, Избавитель, Саваоф, Милосердный, Промыслитель, Ире /усмотрит/, Рафа /Целитель/, Нисси /знамя мое/, Шалом /Господь мира/, Ра-ах /Пастырь мой/, Цидкену /оправдание наше/, Шаммах /Господь там/) Христом добавляется еще одно важнейшее, несомненно, культуруобразующее – Отец. Отныне Бог становится не верховным правителем, как это характерно для традиционного иерархического общества, а опускается до каждого отдельного человека. Он – Отец всех и каждого, любящий, заботящийся. Он становится фактом личной жизни. Не случайно Христос настаивает на «детском» имени «отец». Гнев уже не является основным свойством Бога. «С посланием Иисуса изменилось все: люди, отпавшие от Бога и виновные друг перед другом, вступают в новые отношения с Богом, приблизившимся к ним, как отец, простившим им грехи и пригласившим к своему столу и в свое сообщество».

Монотеистическая идея «Бога» в то же время фактически закладывала основы концепции абсолютной согласован-

¹¹ На этом имени также акцентирует свое внимание Христос, ибо тетраграмматон («имя из четырех букв») Yhwh (jod, he, waw, he) представляет собой наложение друг на друга трех слов «был», «есть» и «будет» (Пятикнижие и гафтарот. М., Иерусалим, 2001. С. 15). Идея «превечного» Бога – одна из основных идей Торы и соответственно христианской европейской цивилизации.

ности всех процессов, происходящих во Вселенной.

- специфический аксиологический набор как комплекс моральных норм, социальных рецептов и их обоснований,
- особое представление об «истории». Оно является одной из крупнейших и существеннейших характеристик цивилизации и, безусловно, является плодом усложнения социального развития. Оно способствовало выводу полиэтничного и мультикультурного общества из ситуации противостояния культур периода «язычества» (столпотворения культур¹²) в диалог, становясь необходимым дискурсом ответов. История вместе с географией помогала маркировать ойкумену как «мир», создать что-то вроде историко-культурного атласа, из которого было бы видно, какие «народы» населяют его, что между ними общего и различного. Стоит заметить и определенную близость историографических моделей традиционных «миров». Конечно, есть принципиальное отличие европейской модели, как своего рода «эталона», и китайской, но, если не сводить истоки первой лишь к греческой мысли, а видеть их в культурах различных регионов, то можно провести ряд существенных параллелей. Многофакторность исторического процесса сознательно искажается и идет редукция «исторического материала» ради той цели, которую ставит «современность». Выделяется масса «то-

¹² Не случайно на обоих полюсах Евразии в качестве практического предлагается принцип «любви», основывающийся на «золотом правиле этики» («не делай другому того, что не хочешь себе»).

чечных событий» и превращается в цепочку как интервал истории («шаг»). Каждое следующее событие диалектично по отношению к первому, ибо отрицает и развивает его.

Появляется представление о всемирности истории и складывается в рамках отдельных регионов, если так можно выразиться, по вертикали. Так, например, в рамках иудейско-христианской традиции складывается двуступенчатая модель: «священная история» или «божественная», основу которой составляли мифы, и последующая как профанная или «человеческая». Об этом же говорят и такие конструкции, как «Восток-Запад», «оседлые – номады/ кочевники», «земледелие – скотоводство», «империя – варвары» или «Север-Юг».

О складывании представления о «всемирности» истории по горизонтали, т. е. о рассмотрении всей этнокультурной картины ойкумены свидетельствуют религиозные представления о необходимости «нести всей твари на земле истину» (евангелие, джихад).

Появление историософии является одним из признаков складывания «мира» («цивилизации»). Отдельная часть человечества отказывается от «бездомного» варианта «исхода» и начинает «строительство» своего «дома». Историософия как «мудрое знание» (софия – мудрость) складывается, как правило, в начале цивилизации и дает оптимум решения складывающегося комплекса проблем (для всех и каждого). «Истории» окончательно придается дидактичность и педаго-

гичность. Утверждается мнение, что Писания нужны и «полезны для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности» (2 Тим 3:16). Внутри «мира» развитие получит уже «историография» (графос – описание) как история поступательного и необратимого движения «истины». Завершение «исторического» цикла поставит задачу перехода к «историологии» (тщательного, «объективного», беспристрастного анализа «дороги истории» на основе «логоса» как отказа от сложившихся рецептов и стереотипов).

- особое значение литературы и письменности. Культуру в целом можно назвать своеобразной программой достижения некоей «цели», а она определяется базовой идеей или «словом». Это особенно хорошо видно именно на примере христианско-европейской цивилизации, что можно проиллюстрировать известным выражением из Евангелия от Иоанна (1:1: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог»), достаточно лишь слово Бог взять в кавычки. Это «Слово» и есть маркер христианской цивилизации, оно отличает ее от иных человеческих сообществ. Можно сказать, что только эта цивилизация построена на столь четком и жестком понимании «Бога» как сверхъестественного и надъестественного «начала» и «конца» (цели) существования «избранного народа».

Слово и Текст приобретают большое значение. Все сочинения начинают различаться прежде всего по отношению к Истине: богодухновенные (сам канон), посвященные ему

и профанные, или иначе, «небесные» и «земные». Именно книге, которая соборна, в цивилизации принадлежит особая роль в процессе превращения хаоса в космос, в сохранении социальной памяти и начале «строительства царства Божьего на земле». Фактически здесь закладывается и представление о «литературе» как написанном, запечатленном, т. е. попавшем на скрижали истории, являющемся основой образованности и учености, универсальной и единой для всех подборке текстов, «каноне». История любой цивилизации всегда находит отражение в своем базовом Тексте. В «христианском мире» Библия становится и образцом «книги» как таковой, ибо ей подражают, но и основой последующей «литературы». Она являет собой нерасчлененный текст, в рамках которого, с современной точки зрения, эклектически слиты самые разнообразные жанры (проза, поэзия, философия, право и т. д.), но именно это позволяет ей иметь множество социально полезных функций: информационно – коммуникативную как универсальную и изначальную, эстетическую, этическую, познавательную (зарождается энциклопедизм как круг необходимого и самодостаточного «знания»), идеологическую. Складывается и то, что можно назвать книжным мировидением. Эмпирическое бытие и Божественный текст соотносились таким образом, что не слово описывало жизнь, а весь мир становился «иллюстрацией» к Тексту. Книга книг становится фундаментальной основой бытия и культуры, средоточием всех духовных сил человека

«христианского» средневековья. Появляется благоговейное отношение к книге как святыне. История – это время жизни «по слову», т. е., в конечном итоге, по тем рецептам, которые транслирует «литература».

Именно в «Библии» содержатся так называемые «базовые» идеи: Бог как надъестественная сверхличность, креационизм, провиденциализм, «мир» как место обитания и действия «избранного народа», Завет Бога с Человеком как цель космического бытия и др. Все эти идеи в развернутом и всесторонне обоснованном виде сформулированы именно в Пятикнижии Моисеевом. В этом же тексте обязательно находит отражение ситуация, в которой происходило их принятие, развитие или, в случае необходимости, реанимация. Последнее случается гораздо чаще, чем кажется, ибо цивилизация в силу действия множества «случайных» эндогенных и экзогенных факторов периодически обращается к своим истокам. В этом проявляется один из универсальных законов развития культуры в целом. Когда общество попадает в ситуацию выбора, трансформации, «стресса», неопределенности, интервенций любого рода и т. п., оно обращается в поисках ответа на возникающие вопросы, прежде всего к прошлому. Культура начинает изучаться как история культуры. Каждая цивилизация имеет свою систему понятий, свой язык и складывается он в начале ее истории. Если учесть, что ни одна цивилизация не развивается в изоляции и периодически испытывает на себе интервенции извне, не

только и не столько военные, сколько ментально-пассионарные, культурно-идеологические и экономические, то, противостоя им, она должна выставить «навстречу» некий «щит» в виде непротиворечивой и популярной системы философско-религиозных и социально-политических идей. Вдохновение и основу она ищет в своем «героическом» («золотом») веке, – времени славы и складывания базовых архетипов, времени некоей социальной гармонии.

- наличие «истинного просвещения», которое способствовало развитию всех форм общественной жизни и, в то же время, являлось для народа «сдерживающей силой» от преступлений. Это связано, прежде всего, с тем, что в соответствие с религиозной проблематикой систематизируется и терминологическая номенклатура, взятая из различных культур. Процесс формирования неизбежного множества понятий – терминов обязывает устанавливать их иерархию, соподчинять, а, следовательно, строить картину мира как расширяющуюся сумму признаков. Этот процесс и есть процесс развития культуры. Он неплохо наблюдаем в европейской культуре и несколько по иным причинам получил наименование «перехода от мифа к логосу». Христианскую культуру, действительно, можно обозначить как техногенную (от греч. слова «*техне*», которым уже ранние греческие мыслители обозначали фактически превращение слова в понятие, термин)., ибо она составляет эту самую иерархию понятий, логически, т. е. системно, ее упорядочивает и, де-

сакрализуя миф, сакрализуется и универсализирует понятие. Вера в созидательную мощь слова – одна из ярких особенностей и иудаизма. Мир сотворен десятью речениями Бога (Быт 1). Они соответствуют 10 заповедям Божьего закона (Исх 20: 2 – 17). Таким образом, мир создается и преобразуется не в результате рождения, брака, битвы или работы мастера, а является следствием «суверенного изречения законов законодателем».

- особая роль и преимущественная ценность земли и др. Хозяйственная деятельность связана с преобладанием в обществе земледелия, ремесла или скотоводства.

- Важен и природно-экологический показатель – сложное взаимоотношение человека и природы. Человек эпохи цивилизации принципиально отличается от традиционного человека первобытно-общинного периода именно тем, что уже не является частью природного мира, не просто выделяется из него, но и начинает строить свой собственный «мир». Этот мир становится миром человека, а не Бога. Всю вину за существующее в мире зло человек должен возлагать на себя. Именно такую точку зрения четко выскажет впоследствии Апостол Павел (Римл. 9:6-25). Бог лишь осуществляет свой «промысел» в нем, т. е. помогает человеку. Мир из «видимого» платоновского превращается в реальный и единственный. Это и не гностический каузальный мир, являющийся продуктом человеческого сознания. Человек не создает виртуальный мир и не наблюдает мир отраженный, он действую-

ет в мире реальном, «материальном», т. е. созданном в результате особого акта «творения». Бог и Человек как бы делят все бытие на свои «сферы влияния». Человеческий мир естественно несовершенен, но и Божественный – всего лишь лучший из миров.

- Система налогов и дани.

Разумеется, это далеко не полный список черт, определяющих специфику этно-культурного и социально-политического развития цивилизации, но он намеренно составлен таким образом, чтобы подчеркнуть в качестве маркеров не только экономические или природные факторы, но и, прежде всего, комплекс традиций и идей.

Каждая из цивилизаций маркировалась тремя основными маркерами:

1. по названию титульного этноса, т. е. такого этноса, который играет роль собирателя земель и культура которого становится базовой (отсюда – китайский, славянский, индийский, франкский, арабский миры).
2. по господствующей мировой религии (отсюда – христианский, мусульманский, православный, буддийский, конфуцианский миры).
3. по языку (отсюда – латинский мир, китайский, арабский, индийский, русский).

Главным для маркирования цивилизации представляется выделить ее *парадигму* как алгоритм осмысления мира на основе определенных идей, взглядов и понятий. В этом зна-

чении термин уже начал проникать в историческую науку в последние десятилетия предшествующего столетия. Слово происходит от греч. *Παράδειγμα* («пример, модель, образец») и получило широкое распространение в гуманитарной сфере, особенно с конца 60-х годов XX в. – в грамматике и в философии и социологии науки для обозначения исходной концептуальной схемы, совокупности ценностей, методов и средств в рамках устоявшейся научной традиции в определенный период времени. Общеупотребительно представление о том, что смена парадигм представляет собой научную революцию и эволюционный переход. Часто говорят о парадигме социального поведения, т. е. форме понимания поведения человека в виде ответной реакции на внешние раздражители.

Парадигма европейской цивилизации в средневековый период, безусловно связана с религией и именно «религиозные» идеи (Бог как надъестественная сверхличность, креационизм, провиденциализм, «мир» как место обитания и действия «избранного народа», Вера, Истина, Завет Бога с Человеком как цель космического бытия, Загробное воздаяние, Церковь, Заповедь, Декалог, Библия и др.) определяют стратегию развития цивилизации и ее отличие. Разумеется, эти идеи рано или поздно выходят за пределы цивилизационного круга, но и по происхождению, и по специфике понимания принадлежат только ему. Все эти идеи в развернутом и всесторонне обоснованном виде сформулирова-

ны уже в Пятикнижии Моисеевом (Торе). Любопытно, как сформулированы основные задачи Торы как Закона, т. е. базового текста цивилизации: равновесие общества и окружающей среды и стабильность в обществе («дабы хорошо было нам во все дни, дабы сохранить нашу жизнь, как теперь» – Втор 6: 24). В тоже время, в цивилизационной парадигме и Библии содержатся и многие другие «духовные, морально – этические и идеологические истоки западной цивилизации». Действительно, там впервые появляется множество понятий, которыми мы пользуемся до сих пор (новый, индивидуальный, личность, история, свобода, дух, справедливость, время, вера).

Необходимо также учитывать и другие составляющие цивилизационной конструкции, связанные с геополитическими реалиями и экономикой. Модель цивилизации можно выразить дробью, где в числителе находится парадигма, а в знаменателе эмпирические конструкции, прежде всего государство. Государство не является продуктом лишь оседлого общества, оно есть и у кочевников и, следовательно, оно такой же обязательный признак цивилизации, как и город, письменность, религия, язык, философия.

Экономика тоже придает своеобразие той или иной цивилизации, ведь каждая из них связана с определенной природно-климатической зоной, но все же надо отметить определенную маргинальность этих зон и присутствие в них как сельскохозяйственного сектора, так и городского, огромную

роль торговли.

Соотношение этих двух частей, как правило, очень непростое, но еще заметнее отличие цивилизационных моделей и различных стадий одной и той же модели друг от друга. На это в свое время обратил внимание Мишель Фуко, который ввел в философский оборот понятие «эпистема» (франц. *episteme*). Это понятие тоже может быть использовано при анализе истории цивилизации. Собственно, М. Фуко это и сделал. По его мнению, на каждом историческом этапе существует разное соотношение «слов» и «вещей» и в соответствии с этим можно выделить три Эпистемы как три среза «археологической почвы» – «ренессансную» («слова» и «вещи» сходны или даже тождественны), «классическую» (рационализм XVII–XVIII вв., когда «слова» и «вещи» опосредованы мыслительными представлениями) и «современную» («слова» и «вещи» связаны такими онтологическими факторами, как «жизнь», «труд», «язык»). Как видим, речь идет о синтезе идеального и материального («сознания» и «бытия»), который в каждую эпоху практически уникален. Понятно, что и в различных цивилизациях эти синтезы будут самобытны.

В применении к средневековой эпохе тоже можно говорить об определенной эпистеме, где соотношение «слов» и «вещей», желаемое и реальное опосредованы такими не менее онтологическими понятиями, как «Бог», «Вера», «Религия». Это неплохо представлено в модели Троицы. Онто-

логические проблемы решаются с помощью понятия «Бог Отец». Именно Бог создает материальный мир и человека и тем самым нет необходимости решать «бесполезные вопросы» о происхождении этого мира, но можно сосредоточиться на решении социальных проблем. Социальные же проблемы решаются с помощью «Бога Сына», который принес «истину» как комплекс «полезных» вопросов и «ответов» на них. Это – обязательный в любой культуре аксиологический пласт. Идея «Бога Святого Духа» приводит в движение гносеологический механизм верификации, проверки онтологии и аксиологии. Поскольку средневековое общество принадлежит к разряду традиционных, все социальные и культурные проблемы повторяются из поколения в поколение, а это значит, что ответы на них есть не только в традициях и обычаях, но и в «богодухновенном» Тексте – Библии. Отсюда известное средневековое мнение о том, что в Библии есть ответы на все вопросы. А это возможно только в том случае, если ее творцом является сам Бог, иначе говоря, она содержит весь необходимый комплект ответов на все возможные вопросы традиционного общества.

В любой цивилизации можно выделить две зоны – геополитическое «ядро» и этнокультурную периферию. Под «ядром» в данном случае есть смысл подразумевать регион, характеризующийся относительной этнической, государственной, политической, экономической и культурной гомогенностью и стабильностью, под «периферией» – располагающие-

ся вокруг этносы и субэтносы, развитие которых связано с близкими, но и несколько иными характеристиками (более низкий уровень или лежащая в основе иная экономика) и не отличается необходимой устойчивостью и однородностью. Но обязательной особенностью периферии является идейно-культурная и экономическая близость с центром. Самое яркое выражение эта модель нашла на «плечах» Евразии, в Европе и Китае, где в «центре» существовали «империи» («Средиземное море», «Срединное государство» в междуречье Хуанхэ и Янцзы) и на периферии «варвары». В этих центрах зарождается и оформляется цивилизационная парадигма и из этих «островов» она идет до границ периферии.

Границы культурной периферии неопределенны, границы же «ядра» достаточно четки. На Западе «ядерная» зона была ограничена пустынями, морями и «римскими валами», в Китае – морями, Гималаями и Великой стеной. Зона же влияния христианской культуры в средние века доходила до Урала, китайской – до берегов Северного Ледовитого океана¹³. Кочевая цивилизация находилась в «Средиземье», т. е. между различными цивилизационными зонами – Сибирью, Китаем, Средним Востоком, Византией, славянским миром и лишь отчасти христианско-европейским «рах»'ом.

Попробуем «поиграть» со словом «империя» (*imperium*):
I – *integratio*

¹³ Если сравнить с некоторыми современными представлениями о человеке, то можно говорить о «физическом теле» цивилизации и «астральном».

M- monarchia

P – philosophia

E – ethica

R – religio

I – ius

U – universum

M – medium

Теперь рассмотрим каждое из этих слов в алфавитном порядке. Любая другая иерархия здесь необязательна.

Ethica – слово греческого происхождения и уже в Древней Греции стало обозначать нравственную философию. Сам термин впервые был употреблен Аристотелем для обозначения «практической» философии. Именно в период существования Римской империи оформляются и вступают в синтез три основных типа этических систем – *этика ценностей* (идет от Аристотеля и названа так Шелером в противовес кантианской формальной этики), социальная этика или *эвдемонизм* (этика счастья, развиваемая Сократом, Эпикуром, а впоследствии отчасти Л. Валлой, К. Раймонди, Б. Спинозой, В. Лейбницем и др.) и, наконец, *христианская этика*. Римские императоры позволяли, практически, развитие всех этих направлений и они в условиях “лоскутного” государства вступали во взаимодействие. В результате в воззрениях многих философов, историков и писателей Римской империи и средневековья можно найти элементы всех этих систем. Христианство пыталось связать воедино

моральные императивы (чаще всего ассоциировавшиеся с “заповедями”) и счастье как движение к истине и обретение своего “места” в земной юдоли. Именно империи делают историю “нравственной”. Отсюда классическое латинское выражение “*Historia est magistra vitae*” (*История – учительница жизни*).

Цицерон в трактате “*Об ораторе*” (II, 9, 36) подробно это разъясняет и связывает с практической жизнью людей: “*Historia vero testis temporum, lux veritatis, vita memoriae, magistra vitae, nuntia vetustatis, qua voce alia nisi oratoris immortalitati commendatur?*” (“А история – свидетель времен, свет истины, жизнь памяти, учительница жизни, вестница старины – в чем, как не в речи оратора, находит бессмертие?”)

Integratio – буквально: восстановление, возобновление. Происходит от лат. *Integer* – полный, цельный, ненарушенный. Обозначает идущий в рамках империи процесс соединения и восстановления единства. На первый взгляд, странное утверждение. Но если присмотреться внимательнее, мы увидим, что действительно идет процесс интеграции разрозненных “лоскутков” (государств, племен, экономик, языков, культур и т. д.). Осмысливалось же все это как объединение родственных по происхождению (прежде всего, но не только!) народов. Представление о единой Европе сформировалось в Средиземноморье довольно рано. Еще кельты предложили идею сосуществования племен. В начале XVIII в. французский дипломат и философ аббат Шарль Иринье де

Сен-Пьер писал: «Древний союз народов Европы усложнил их интересы и права на тысячу ладов; они соприкасаются в стольких пунктах, что малейшее движение одних не может не задеть других; их расхождения тем более губительны, чем теснее их связи, а их частные столкновения носят почти такой же ожесточенный характер, какой свойствен гражданским войнам».

Античные римляне, средневековые императоры, византийские правители, российские цари, китайские ди, – все стремились вернуться к некоей исходной целостности, своему образному золотому веку, космосу, а для этого преодолеть хаос, раскол, схизму и т. п.

Ius – право. Этимология этого слова не очень ясна. Предполагают даже, что оно могло возникнуть на основе санскритского *ju* вязать. Это основное понятие римского права. Означает правопорядок, установленный людьми. В этом смысле право отличается от:

1. *fas*- религии. Речь идет о комплексе религиозных норм: 1) то, что дозволено богами людям и 2), то, что не дозволено (*nefas*).

2. *mos* – нравы, т. е. всеми признанные и сохраняемые, но юридически не обязательные заповеди.

3. *consuetudo*- обычай как норма человеческого поведения, сохранявшаяся долгое время.

4. *iniuria* – бесправие как любое действие, противоречащее праву.

В Римской империи разрабатывается самое универсальное на сегодняшний день на планете право.

Medium – одно из самых загадочных понятий в средневековом латинском языке.

Хотя история и «спор без конца», все же из всех исторических периодов ни один не вызывал таких споров и диаметрально противоположных подходов, как история средних веков. Как писала Евгения Владимировна Гутнова, *«медиевистика... родилась с темным пятном уничижительного или даже резко отрицательного отношения к этому многовековому периоду»*.

Негативное отношение к средневековому периоду породили еще итальянские гуманисты. Для них средние века были периодом, ни к чему не относящимся, пустым, неким «провалом» в развитии культуры.

В связи с этим появляется и становится со временем широко популярным термин «средние века». На латинском языке он звучит как *medium aevum*. Слово *medium* здесь означает не просто средний, а находящийся посередине между культурой “до грехопадения” и культурой, вернувшейся в первобытное состояние; следовательно, речь идет о *пустом* периоде. Если культура была не истинна, то можно говорить, что ее не было. Слово *aevum* означает не какой-то конкретный этап, а нечто неопределенное физически, но значащее. Поэтому итальянские гуманисты и противопоставляли свою культуру культуре тех народов, в том числе и европейских,

которые еще не пришли к идее преобразования. Средневековые, по их мнению, может длиться бесконечно долго и избавиться от этого “многоголового чудовища” всегда непросто.

Но дальше начинается самое интересное. Термин “medium” имеет и другие значения, которые особенно важны при рассмотрении истории любой империи. Можно утверждать, что эти значения гуманисты тоже знали и придавали им немалое значение, хотя потомки мало обращали внимания на их, казалось бы, многословные рассуждения.

Среди этих значений:

1. срединный, центральный.
2. существенный, сущностный.
3. беспристрастный, нейтральный.
4. общий, общественный.
5. посредничающий, выступающий посредником.

Исходя из них, можно смело предполагать, что уже итальянские гуманисты, не считая, разумеется, самих римлян, придавали большое значение посреднической, регулирующей, объединяющей роли государства. Практически на этой основе вырастает любое современное понимание государства.

Monarchia – слово греческого происхождения, означает “монархия”, “единодержавие”. Именно так его понимали сами римские правители и раннехристианские авторы Лактанций и Тертуллиан.

Различные варианты монархии появляются в истории до-

вольно рано, особенно в периоды войн и миграций, когда есть необходимость в укреплении дисциплины, объединении усилий отдельных соплеменников. В Древней Греции она появляется уже в крито-микенскую эпоху, в Риме в царский период. Монархическая форма правления существовала в эллинистических государствах.

Philosophia – именно в рамках Римской империи оформляются синкретические варианты философских направлений и течений. Большого развития достигнут сакральные учения, но империя и время широкого распространения научных представлений, которые пытаются решать общеполитические проблемы (происхождение, устройство мира, формы и методы и познания, место человека в мире, обществе и т. д.). Широкое распространение науки в имперский период отнюдь не случайно, ведь интерес к научному познанию мира, практически до 19 в., вызывался чаще всего кризисом каких-либо религиозных концепций. Отдельных любителей экспериментов я в виду не имею. Кроме того, питательной средой для науки была общественная практика: требовались светски образованные люди.

Religio – есть две версии происхождения этого слова. По одной, идущей от Цицерона, происходит от глагола *religare* (связывать, соединять). Скорее всего, верна другая версия: от глагола *relegere* (вновь собирать, достигать). Означало вначале добросовестность при выполнении своих обязанностей, преступление против совести, впоследствии святость,

религия. Именно в рамках Римской империи происходит переход от локальных культов, философских систем, этнических вариантов верований к единой, общеимперской религии и на этой основе появляется представление об универсальной, обязательной для всех системе религиозно – философских представлений. Яркое отражение это нашло в знаменитом “Миланском эдикте” 313 г. императоров – союзников Константина и Лициния: “Мы постановили даровать христианам и всем другим право исповедания той веры, которую они предпочитают, чтобы божество, царящее в небе, было милостиво и благосклонно как к нам, так и к живущим под нашим господством”. Здесь был опущен вообще термин “государственные боги” и фактически устранено многобожие. Вводилось понятие “*deus summus*” (высшее божество). Это было “божество, царящее в небе”, “божество, сидящее на небесном троне”, безличное, абстрактное. Не Митра, не Юпитер, ни Яхве!

Разумеется, большую роль сыграло и христианство, своими универсалистскими, уравнительными идеями укреплявшее идею обязательной для всех людей веры и государственности:

ап. Павел: *“все и во всем Христос”* (Кол 3,11).

ап. Павел: *“Рабы, во всем повинуйтесь господам (вашим) по плоти, не в глазах (только) служа им, но в простоте сердца, боясь Бога”* (Кол 3,22).

Именно во времена евразийских империй возникают ми-

ровые религии. Слово “мировые” пришло к нам из глуби веков и кардинально отличается по своему значению от современного: оно означает, что был 1) установлен мир между различными народами и племенами, воевавшими друг с другом, ибо в тех условиях только насилие могло помочь решить их экономические и демографические проблемы, 2) объединен весь видимый мир, до “культурного” горизонта, т. е. до тех пределов, за которыми начинаются чужие культуры и народы, а скорее, просто чужие цивилизации.

Именно во времена евразийских империй происходит становление всех крупнейших религий:

- * в Средиземноморье – Европе (зона “поля”, т. е. аграрной цивилизации) сложился католицизм,

- * православие объединило “лесные” районы,

- * сфера влияния ислама – “степь” (степи, пустыни, полупустыни),

- * протестантизм как “городская” религия, религия одинокого человека,

- * буддизм (хинаяна как “метрополия” и махаяна как “периферия”) – субтропики, где человек основательно, но не абсолютно зависит от природы и потому стремится к консенсусу с ней, разделу “сфер влияния”,

- * конфуцианство как “религия” зоны перманентного перенаселения,

- * в джунглях, на море, в горах, в тайге религии не “работают”. Человек практически абсолютно зависит, по крайней

мере, в древности и в средние века, от природы. Здесь человек – гость, а это значит, что действует принцип “Тайга – закон, медведь – хозяин”. Живущие здесь Маугли, Шурхенды, Дереу Узала выглядят “бирюками” и имеют свою философию жизни, почти не совпадающую с какой-либо религией.

Universum – происходит от латинского слова. Как синоним часто использовалось выражение *summa rerum* (можно перевести как совершенство вещей, совокупность, суть происходящего, мир как целое). В связи с этим означает мировое целое, мир, вселенную. Отсюда следует и одно из значений империи как сущности мира, его формы, объединяющей частности.

Термин и соответствующее представление пришли в политическую сферу из философии. Платон и Аристотель считали, что единичное надо объяснять и выводить из довлеющего над всем целого, ибо универсум есть целое. Подобных взглядов, как в философском плане, так и политическом, будут придерживаться в последующем Фома Аквинский, Гегель и др. Против индивидуализма будет выступать и социологический универсализм.

Можно говорить, что в имперский период формируются и представления об универсальных

♦ *Historia* – в переводе с латинского: исследование (как постижение истины!), знание (как совокупность и энциклопедия!), история,

◆ *Litteratura* – в переводе означает написанное, запечатленное (т. е. попавшее на скрижали истории!), образованность, ученость. Фактически речь идет о складывании универсальной и единой для всех подборки текстов, их “канонизации”. 24 Евангелия – не литература, 4 Евангелия-Литература!

◆ *Socium* – в переводе с латинского означает общий, совместный, союзный,

◆ *Aera* (система летоисчисления, принятая до сих пор, = аббревиатура выражения *ab exordia regni Augusti* – “от начала царствования Божественного: – Гораций: “Юпитер, грома мечущий, – верим мы – царит на небе: здесь на земле к богам причтется Август”)

Libertas – свобода. Появляется новое понимание свободы.

В родовом обществе свободным считался человек, который был свободен от несовершенства, чего-то добился (отличился на охоте, например) и получил всеобщее признание. Ему разрешалось пренебрегать некоторыми запретами. От общих запретов освобождался выбранный вождь, жрец и т. д. У них были свои запреты, в рамках их круга, но в глазах всего племени они считались свободными. Такое понимание свободы стимулировало доблесть, физическое совершенствование и т. д. Таким образом, идея самосовершенствования и идея гармоничного развития опирались на такое понимание свободы, при котором максимальную пользу получал коллектив в целом.

Поскольку происходит разрыв родовых связей, начинают формироваться “соседские” коллективы, неизменно будет меняться и понимание свободы. Этапы такие:

1. свобода от отцовской власти,
2. свобода от услужения,
3. возможность действовать по собственному усмотрению (разумеется, в рамках запретов, установленных законом), т. е. право начинать свой собственный ряд событий,
4. свобода римского гражданина как апогей развития личной свободы. Он может действовать, как ему заблагорассудится, но он никогда не сделает чего-то вредного для общества.

5. ⇒ свобода государства действовать по своему усмотрению для установления “истинной” свободы и “истинного” порядка (т. е. соответствующих “истине”).

Таким образом, государство добивалось необходимой гибкости в проведении своей достаточно жесткой политики по установлению единого порядка (универсума), но отдельный человек получал некий “люфт” для своего поведения.

Средневековое христианство воспримет эту гибкость:

1. основная масса людей = люди плотские (у гностиков – гилики, от гиле = материя) = *carnales* (плотские люди). Они практически приравниваются к язычникам.

2. есть “достаточное” христианство. Можно соблюдать десять заповедей, подавать милостыню, ходить на исповедь и т. п., иметь “веру” и ты попадешь на небо. В какой-то степе-

ни, это тоже идет от гностиков (психики – люди, обладающие верой и потому попадающие на небо).

3. есть “монашеский путь спасения”, идеал которого обосновал Аврелий Августин. Для немногих!

4. есть белое духовенство.

Три последних категории объединялись словом “клир” (от греч. “*клерос*” – наследие). Оно тоже эволюционировало. Сначала все христиане именовались “уделом божьим” среди язычников (церковь, пастыри и стадо). С 3 в. н. э. *clerici* (*spirituales*, духовные) = только служащие при церкви, в отличие от людей стада (*laicus*). Еще ап. Павел, ссылаясь на учреждение левитов, которые “совершают богослужение, вкушают священную пищу, служат алтарю и научаются от алтаря”, заявил, что и в Новом завете Господь установил, чтобы те, кто проповедует Евангелие, жили от благовестования (1 Кор 9, 4 – 14; 2 Кор 11,9).

Появится и духовная иерархия:

- ◆ внешние заботы об алтаре,
- ◆ преподавание Слова Божьего,
- ◆ совершение таинств,
- ◆ заведование “духовными делами” пасомых.

Декрет Грациана (12 в.) перечисляет 9 священных чинов (*ordines sacri*). Иерархия будет расширяться, но “9 чинов” останутся основными.

Individuum (то, что не делится, неделимый, связано с греч. атом = атом) – новое понимание человека. Он становится

низшей единицей (т. е. частью общества, единицей измерения, права и т. д.) и, в то же время, стал отделен окончательно от животного мира. Римляне уже не связывают свое происхождение с каким-то тотемным животным. И по этой причине тоже происходит переход к пониманию богов как антропоморфных и духовных существ, а затем произойдет отрыв от антропоморфности к “чистой” духовности.

Termin (terminus) – такое понятие появляется впервые. Этапы эволюции:

1. вначале означал пограничный камень, межевой знак. Отсюда Термин = римский бог границ и межей.
2. границы, пределы.
3. окончание, конец, *Конечная цель*.

Отсюда, это слово означает одно значение (из куста значений), которое становится общеупотребительным и обязательным для всех, определяя границы действия понятия.

Далее будет происходить энциклопедизация этих понятий (Тора → Танах → деятельность апостолов Павла и Петра → апологетика → патристика → “последние римляне” Боэций, Кассиодор, Исидор и др. → энхиридионы, энциклопедии → суммы.

Это повлияет на новое понимание закона, который пусть и кажется неправильным для одного человека, но понимание его происходит только на уровне коллектива (*dura lex, sed lex*). Всеобщность закона позволяет человеку освободиться от “совести”. Именно это, видимо, имел в виду Христос, ко-

гда противопоставил свое “царство” миру и говорил о восстановлении “закона” (новая культура начинается с прав отдельного человека).

* и другие.

Основная причина возникновения и формирования имперской системы в Средиземноморье кроется в трансформации полисной системы (системы городов – государств) в сложное, а в идеале, если уж и не в итоге, и централизованное государство. “Лоскутки” (различные этносы, социальные группы, экономики, языки, культуры, религии etc.) “сшивались” в пестротканое полотно империи. “Коммунальная квартира” постепенно превращалась в единую “семью”, члены которой вступали во все более и более тесные связи друг с другом. Этот процесс, в частности, достаточно хорошо изучен на материале истории философии и религии. Синтетический характер философии того времени выразился в ее сакрализации и формировании синтетических вариантов философии (гностицизм, неопифагореизм, неоплатонизм), религии (христианство, манихейство, ислам), языков (вульгарная латынь), ересей.

Предпосылки складывания «цивилизаций» многочисленны. Происходит истощение земель, пригодных для собирательства, охоты, рыболовства, функционирования присваивающей экономики и складывается ситуация перенаселения, что ведет к усилению войн и медленной смене структуры общества. Начинается слияние первоначальных «атомов» (ро-

дов и племен), складываются «вожества» (chiefdom) и союзы племен. Переход от кровнородственных отношений к соседским дает начало складыванию социальной лестницы.

Переход от родового строя к рабовладельческому или дофеодальному, от присваивающей комплексной экономики к производящей требует разрыва прежних связей, форм существования и как следствие порождает, широкую социальную апатию. В этих условиях новые формы идеологии неизменно будут основываться не на «атеизме», а на религии, которая играет роль утешения, социальной компенсации. Новые идеи будут передаваться в религиозной форме и принадлежать людям с необычными способностями, которые делятся на три категории: одни объявляют себя «постигшими истину» (Будда, Конфуций), другие – «передающими истину» (Мани, Моххаммед), третьи – «приносящими истину» (Христос). Это деление связано со спецификой этнокультурного развития тех территорий, на которых впоследствии возникнут те или иные «миры» (цивилизации). Это – эпоха последних родовых «учителей», вместо которых придут этнические «вожди» и «деятели культуры». Следующей столь же значимой стадией станет эпоха перехода от последней формы традиционной экономики к капиталистической, когда тоже появятся «учителя», но уже другого рода. Они будут формировать свои представления либо на основе научно-светского подхода и анализа (Маркс, Ленин, Мао Цзэдун и пр.), либо на основе эклектически-синтетического метода

(Рерихи, Баха – Улла), либо сочетая оба эти подхода (Лютер, Кальвин).

Цивилизация, которая в различные периоды своей истории носила названия «христианской», «европейской» и «западной», имеет наиболее известный и наиболее распространенный термин для его обозначения – «cultura». Оно происходит от глагола *colere*, среди значений которого были и такие, как «населять», «культивировать», «обрабатывать землю», «покровительствовать», «поклоняться», «почитать». Произведенный от него термин в результате четко указывал на земледельческий мир как место существования и действия «культуры» и оседлый образ жизни ее носителей. Ясно прописывается и цель культуры – воспитание и образование, иначе говоря, трансляция ее во времени и пространстве. Вместе с тем, как видно из «куста значений» термина, она должны была обеспечивать индивидуальные потребности людей (физиологические, этические, эстетические), формирование и развитие профессиональных качеств и навыков, сохранение и трансляцию коллективных ценностей, вырабатывать механизмы сохранения генофонда и этнофонда, государства, семьи как ячейки общества и т. д.

Складывавшаяся цивилизация была преимущественно аграрной, а это значит, что сама структура общества выполняла многие из этих задач в силу своего специфического устройства: наличие классов и расположение социальных слоев «по этажам», ограничение вертикальной мобильности

членов этих слоев, передача профессиональных навыков и традиций от отца к сыну, «рутинный» характер производства, цикличность общественного и экономического развития. Однако новый «мир» отличался по ряду параметров от первобытно-общинного. История цивилизации – это история седентаризации и это «оседание на землю» происходило в условиях ограниченности территории – сначала это берега Средиземного моря, а потом Европейский субконтинент. Европейская цивилизация практически на всем протяжении своей истории (примерно до XIV в.) выступала как своего рода «окраинная» цивилизация и отставала от восточных стран, что было обусловлено сравнительно бедными земельными ресурсами и полезными ископаемыми, более суровым климатом, большей близостью к северной климатической зоне.

Однако именно «замкнутость» региона обитания «европейцев» позволяла этой цивилизации в отличие от других азиатских «миров» развиваться особенно динамично и интенсивно, практически за полтора тысячелетия (V–XX вв.) достигнув того, чего, скажем, Китай не смог достичь за пять тысячелетий. Если первобытнообщинная присваивающая экономика в условиях обилия свободных земель была открытая, то складывающаяся производящая экономика, первой формой которой, собственно говоря, и было земледелие, создавалась в условиях земельного дефицита. Закрепиться на данной территории близким в этнокультур-

ном отношении племенам можно было только культивируя какие-то общие представления. Так, еще кельты выдвинули идею «круглого стола», т. е. сообщества племен и народов. Она была понятна и приемлема на стадии первичного освоения материка, когда в хозяйственном комплексе так или иначе доминировали присваивающие формы хозяйства (охота, рыболовство), а война как средство решения проблем уходила на задний план. Поскольку для развитого («феодального») земледелия характерен острый и все нарастающий дефицит земельных ресурсов, в формирующемся «мире» будет складываться монархическая общественная модель («феодальная лестница»). Она откажется от идеи равенства родоплеменных «лоскутков» и начнет выстраивать их сложную иерархию.

Европейская цивилизация оказалась наиболее «чистой» из всех евразийских сообществ, ибо практически не смешивалась с другими. Если в Китае было 24 династии и почти все они иноземного происхождения, если средневековые «Индии» всегда в представлении различных народов существовали во множественном числе, то Европа азиатскими народами всегда ассоциировалась или с Римской империей, или с государством «франков». Не случайно она постоянно рефлексирует, занимается самоизучением, а не просто восхвалением, первая выстраивает историю как векторную. Срединная китайская империя (Чжунго) или древний Израиль под «концом истории» понимают практически современное

состояние, достигнутый оптимум, христианская же Европа «строит», заглядывая на века вперед.

Уже в первобытном обществе *роль «религии»* медленно растет. Существует онтологическая зависимость человека от мира. Проблема происхождения мира первобытного человека не волнует, но свою зависимость от него он пытается каким-то образом компенсировать. В соответствии с этим необходимо выстроить и определенную систему общепринятых ценностей. К аксиологической сфере вплотную примыкает гносеологический механизм непрерывной «проверки» этих идей как подтверждения их эффективности. Однако если вначале «страх создал богов» (выражение римского поэта Стация) как персонификацию того, что было внешней силой для людей (зависимость от грома, урагана и т. п.) и обрушивалось на них сверху, то постепенно человек начинает ощущать свою зависимость от тех сил, которые соседствовали с ним на земле. Выстраивается своеобразная сетка координат, где горизонталь постепенно становится важнее. От грома и урагана можно укрыться, но в условиях медленного оседания на землю лес, вода, горы становятся враждебными. Их «богам» начинает противостоять племенное божество как символ единства племени, смысл его существования, залог его победы над природой. Именно с коллективом и будет связано формирование представления о культуре как не «натуре». Процесс социализации религии идет стремительнее, сфера применения «религии» резко расширяется.

В условиях становления производящей экономики, что хорошо видно на примере древнегреческого общества, боги «опускаются на землю». Это связано и с тем, что человек приспосабливается к цикличности космических процессов, которые как бы «останавливаются», и перестает насто-роженно заирать вверх голову, более пристально и опасно всматриваясь в то, что происходит на земле. Перво-бытная космофобия как смесь страха и ненависти к природе перерождается в космофагию как «пожирание простран-ства», расширение зоны освоенных, прирученных земель. Боги становятся посредниками между человеком и природой, с ними заключают своеобразные контракты, угождая им, но и требуя от них враждебные стихии спрятать в ящик Пандоры. Этому помогает «специализация» богов (Гефест как бог огня, охотница Деметра, бог моря Посейдон и т. д.). Появляется возможность «обожения» человека: Геракл за свои подвиги введен в сонм бессмертных, за свою красоту земные женщины могут стать нимфами и т. д. «Богоравные» Одиссеи вступают в единоборство с богами, стравливают их друг с другом, ставя человеческое выше божьего. Если первичное понимание культуры было связано со стремлением человеческого сообщества самоопределиться по отношению к природе (*cultura* как не *natura*, т. е. не природа¹⁴), то впоследствии, по мере усиления и усложнения процесса социа-

¹⁴ Такого рода представление о культуре прослеживается у софистов Протагора, Антифонта и Гиппия (Ув. до н. э.).

лизации, на этом «стволе» появляется все больше и больше «ветвей» (дополнительных значений).

Постепенно боги выстраиваются в иерархию (пантеон), что отражало формирование первоначального полицентричного «мира», где боги «равны». Боги проникают и в жилище человека (лары, пенаты), помогая решать внутрисемейные проблемы. Появляются даже особые сферы в религии, связанные с магией, мантикой. Усиление социализации религии, ее «даосизация» и увеличение количества этнокультурных контактов постепенно создают «языческую» ситуацию, когда происходит, по словам Лукиана Самосатского (II в.) «столпотворение богов», когда на улицах городов богов стало больше, чем жителей. Язычество в исследовательской литературе отождествляется с первобытнообщинной религией как «дохристианской». Христианство действительно выступает против язычества, но язычество как многобожие появляется лишь на стыке культур. Для классического первобытнообщинного строя характерна иерархия богов. Поэтому христианство фактически выступает против «бескультурного» хаоса и предлагает новый религиозно-церковный порядок.

Путь в «цивилизацию» начинают племена, располагавшиеся в речных долинах. Они имели возможность раньше приступить к более интенсивному обмену друг с другом товарами и продуктами и в то же время были максимально отдалены от прямых «великих» путей, которые вели на Восток.

Проблемное *соотношение сакральной и секулярной частей культуры* явственно отмечается в эллинистическо-римском обществе. Уже в мифе о Прометее, с которым активно работают софисты, можно наблюдать одну из первых в Средиземноморье моделей культуры, содержащей обе части. Два брата – Прометей («мыслящий прежде», «предвидящий», «провидец», «промыслящий») и Эпиметей («крепкий задним умом») – по поручению Зевса наделяют сотворенные богами живые существа различными способностями. Эпиметей забыл о человеке, тогда о нем позаботился Прометей: «Украд у Гефеста умение обращаться с огнем, а у Афины – ее умение, Прометей дал их человеку для его благополучия» (Платон. Протагор). Эти два «начала» (навыки Гефеста и знание Афины) и составили структуру культуры, обозначив «ее исконно двойную природу, неразрывное переплетение в ней духовного и телесного, мысли и дела, времени и пространства» (Конев В. А.), но и позволяли вырабатывать основанный именно на традиции («навыки Гефеста») механизм ее трансляции во времени (но пока не в пространстве!). Образ «двуликого Януса» как божества времени, всякого начала и конца, демонстрирует другую грань этой проблемы – судьбу традиции как «прошлого» в статическом современном и динамичном будущем времени. Здесь сакральное как традиция сложно сочетается с вечно изменчивой и динамичной эмпирикой и происходит универсализация представления о сакральном, которое должно быть обязательной и ве-

душей частью культуры и призвано обеспечивать ее сохранение и трансляцию. Сам термин «культура» был введен в широкий оборот римскими мыслителями уже в I в. до н. э. В своих «Тускуланских беседах» М. Т. Цицерон акцент делает на «духовной» ее части: «cultura animi autem philosophia est» («возделывание души и есть философия»). Не случайно М. К. Мамардашвили видел в мифе «одну из первых, конечно, датируемых началом человечества... человекообразующую машину»; ибо в нем всегда надо выделять конструктивную, человекообразующую сторону: нечто такое, через что в человеке становится «что-то», чего не было бы, если бы не проходило через некую машину... называемую нами мифом».

Предел этой универсализации достигнут в рамках древнееврейской религиозной мысли. Если «навыки» Гефеста и «знание» Афины были фактически еще разделены, то здесь впервые в Средиземноморье происходит объединение сакрального и секулярного. Можно утверждать, что вопрос об эсхатологии – это вопрос о соотношении между сакральным и секулярным, божественным и человеческим. Сакральное («религиозное») связано с «базовыми» идеями формирующейся цивилизации: Бог как надъестественная сверхличность, креационизм, провиденциализм, «мир» как место обитания и действия «избранного народа», Завет Бога с Человеком как цель космического бытия и др. Все эти идеи в развернутом и всесторонне обоснованном виде сформулированы именно в Пятикнижии. Секулярное «отвечает» за

«формы» бытия, создает необходимый «механизм» существования цивилизации в виде стройного и непротиворечивого синтеза социальных, политических, юридических и тому подобных концепций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.